

ГЛУБИННЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛИЗМА И СЕПАРАТИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

А.А. Орлов

Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД России. 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В наше время в массовом сознании сложилось устойчивое восприятие Испании как благополучного государства, входящего в группу стран, являющихся опорой европейской интеграции. Создавалось впечатление, что Испания, несмотря на сложности ее исторического развития, наконец-то обрела свою национальную идентичность, создав из составляющих ее регионов и национальных образований новую мультикультурную общность, скрепленную в единое целое толерантной, просвещенной и авторитетной монархией. Однако начавшийся в 2008 г. мировой экономический кризис разрушил испанскую идиллию, обострив старые и породив новые противоречия. Традиционно болезненной для Испании проблемой являлось наличие центробежных тенденций, в основе которых лежали две главные причины: проявления национализма, свойственного тем областям, где исторически проживали каталонская, баскско-наваррская и галисийская народности, и регионализма, обусловленного стремлением местных элит к большей обособленности от Мадрида. Рассматривая особенности доримской истории Испании, автор стремится понять, могут ли истоки современного сепаратизма уходить корнями в глубокую древность. По итогам исследования делается вывод, что наиболее рельефно «связь времен» прослеживается на примере басков, часть интеллектуальной элиты которых стремится использовать особенности происхождения и исторического развития этого народа для подкрепления современных националистических и сепаратистских тенденций. Автор считает, что история должна служить мостом между народами, а не возводить между ними новую стену.

Ключевые слова: Испания, Иберия, иберы, кельты, кельтиберы, финикийцы, греки, индоевропейские племена, гуанчи, баски, Тартесс. Гадес, Карфаген, Рим, Атлантида, национализм, сепаратизм, регионализм, Страна Басков, Каталония, Андалусия.

В конце XX – начале XXI вв. в массовом сознании сложилось устойчивое восприятие Испании как вполне благополучного, современного государства, уверенно входящего в группу стран, идущих вслед за лидерами Европейского союза – Германией, Францией и Великобританией, и являющихся опорой европейской интеграции. Создавалось впечатление, что в современную эпоху, несмотря на определенные сложности исторического развития этого государства за Пиренеями (когда периоды подъема, включавшие лидерство Мадрида в Старом и Новом Свете в «золотые и серебряные века» испанской короны, сменялись длительными депрессивными паузами), Испания наконец-то обрела свою национальную идентичность. Из составляющих эту страну регионов и национальных образований была создана новая мультикультурная общность, скрепленную в единое целое толерантной, просвещенной и авторитетной монархией. Однако мировой валютно-финансовый кризис в 2008 г., переросший затем в полномасштабный экономический, разрушил испанскую идиллию, обострив старые и породив новые противоречия.

Традиционно болезненной для Испании проблемой являлось наличие центробежных тенденций, которые то обострялись, то несколько затухали на всем протяжении существования этого государства. В их основе лежали две главные причины: проявления национализма, в большей или меньшей мере свойственного тем областям, где исторически проживали каталонская, баскско-наваррская и галисийская народности, и регионализма, обусловленного стремлением местных элит к большей обособленности от Мадрида. Как национализм, так и регионализм на пространстве современной Испании имеют глубокие исторические корни, уходя своими истоками в далекую древность, намного более раннюю, чем период феодальной раздробленности, который, как правило, является отправной точкой подобных явлений в других частях Европы.

К примеру, Карл Маркс, который на определенном этапе своей карьеры политика и ученого интересовался проблемами испанской истории, также относил генезис регионализма в этом государстве к Средним векам: он объяснял распространение подобных тенденций тем, что первоначально «различные провинции самостоятельно освобождались от владычества мавров, образуя при этом маленькие независимые государства», а на более позднем этапе тем, что испанский абсолютизм, не сумевший создать единого национального рынка, породил существенные различия в развитии провинций и коммун [5, с. 432].

Тем не менее, как считают некоторые испанские интеллектуалы, первые признаки и зародыши тех явлений, которые сегодня мы можем квалифицировать как проявления национализма и сепаратизма (речь в первую очередь идет о баскском национализме и сепаратизме) и регионализма (правда, в значительно меньшей степени), объективно появились значительно раньше, по сути в дорим-

скую эпоху. Естественно, в те стародавние времена едва ли кому-то могла прийти в голову мысль о том, что по прошествии сотен и тысяч лет конкретные особенности исторического развития различных регионов Испании будут трактоваться как признаки существенного и даже кардинального отличия одних иберийских народов от других. Несмотря на то, что они живут бок о бок друг с другом испокон веков. Но это – одна из реальностей нашего противоречивого мира, который сегодня столкнулся с необходимостью заново понять многие истины, которые еще вчера казались прописными.

Итак, действительно ли зачатки тенденций, которые в наше время подпитывают сепаратизм некоторых испанских областей, можно отнести к доримским временам, или здесь все же больше вымысла и эмоций, чем здравого смысла и объективной науки? Попробуем в этом разобраться, начав с истоков. Кто те люди, которые заселяли просторы современной Испании в глубокой древности, откуда они пришли, как развивалась их культура, на каких языках они говорили, как шло формирование общественно-политических и экономических отношений и становление первых подобий государственных образований в те незапамятные времена? Ответы на эти вопросы, возможно, помогут – хотя бы отчасти – понять некоторые из сегодняшних проблем Испании.

Как свидетельствуют результаты последних археологических раскопок, предки современных людей появились на Пиренейском полуострове более миллиона лет назад. Порядка 60 тысяч лет назад здесь обосновались неандертальцы, прожив в этих краях более 30 тысяч лет (приблизительно до 27-го тысячелетия до н.э.), причем несколько тысячелетий они сосуществовали с современным человеком, пришедшим на полуостров 35 тысяч лет назад. Существует гипотеза, что Пиренейский полуостров был последним пристанищем неандертальцев, где они продержались дольше всего.

Другая красивая гипотеза связывает с наскальными рисунками, обнаруженными в пещере Нерха (провинция Малага), где жили неандертальцы, первое произведение искусства, выполненное руками человека и отстоящее от нас по времени на 42 тысячи лет. Заметим попутно, что раскопки на территории Испании не прекращаются ни на минуту и у тех, чей ум пока, фигурально выражаясь, окончательно не замусорен ширпотребом, есть реальные шансы стать свидетелями новых впечатляющих находок. Однако все это относится к периоду, который в Испании называют «предисторией». Что же было дальше?

Известный испанский историк Антонио Домингес Ортис пишет: «Об истории Испании можно говорить только тогда, когда различные народы, которые ее образуют, начинают восприниматься за рубежом как единое целое» [10, с. 19]. Но о каких народах идет речь? Испанский ученый поясняет: «С середины первого тысячелетия до рождения Христова греческие писатели начали сообщать о народах далекого Запада, собирая еще более древние традиции. Самое давнее упоминание касается

создания Кадиса финикийскими колонистами. В тот же период начинается проникновение [на полуостров. – А.О.] индоевропейцев (кельтов) через Пиренеи, но о них имеется только археологическая информация, в то время как о культурах Юга и Средиземноморья, помимо огромного [археологического. – А.О.] материала, мы имеем письменные свидетельства. Они раскрывают даты, имена, конкретные сведения и постепенно разгоняют облака неизвестности и придают вид и окраску событиям» [10, с. 19].

«Испания была заселена иберами и кельтами, от объединения которых возникли кельтиберы, – продолжает Домингес Ортис. – Первая волна [кельтов. – А.О.], в районе 1000 л. до н.э., затронула северную часть Испании; вторая волна была обширнее, и дошла до земель Юга, но с меньшей силой: она привела к смешению, разбавлению, заполнению пустот, но не изменила преимущественно иберийского характера Юга и Востока. Эта вторая волна совпала с апогеем железного века... Но наибольшее единство обеспечивал язык, используемые в нем топонимы были понятны от крайнего запада Европы до Малой Азии, от галлов, британцев и галисийцев и до жителей Анатолии» [10, с. 20].

Существует расхожее мнение, что иберы – это прямые потомки автохтонного населения, проживавшего на территории Испании в течение тысячелетий. В какой-то мере это, видимо, соответствует действительности. Однако такое утверждение не является исчерпывающим. Ныне уже хорошо известно, что иберы не составляли этнической общности, а были объединены, прежде всего, одной культурой. Испанский исследователь Антонио Аррибас пишет: «Древние тексты позволяют нам выделить группу народов, живших вдоль побережья между Роней и Геркулесовыми столбами и известных под общим названием “иберы”. Этот термин имеет скорее географический, чем этнический смысл» [1, с. 7].

Одновременно Аррибас сообщает, что, «по данным письменных источников», внутренние территории [современного Пиренейского полуострова – А.О.] были заселены «кельтскими варварскими племенами» [1, с. 7]. Из этого со всей очевидностью вытекает, что уровень культуры иберов был в тот период намного выше культурного уровня кельтов. Домингес Ортис объясняет «культурный всплеск» иберов следующим образом: «... на важной основе мегалитической культуры позднего бронзового века (второе тысячелетие до н.э.) торговые отношения с продвинутыми культурами Восточного Средиземноморья, греками и финикийцами создали условия для прекрасного расцвета [культуры. – А.О.], сопоставимого с культурами этрусков и других средиземноморских народов и более значимого по сравнению с остальным полуостровом» [10, с. 21].

Итак, мы подошли к важному утверждению о том, что на культуру иберов огромное влияние оказали их контакты и общение с лидерами обществено-культурного развития той исторической эпохи народами Восточного Средиземноморья.

Но когда они появились на пространстве современной Испании? В этой связи Аррибас пишет: «В эпоху ранней бронзы иностранное влияние приходит с Ближнего Востока и с эгейско-анатолийского направления – либо по морю, либо по Дунаю. Основные колонии народов Восточного Средиземноморья, которые принесли мегалитическую культуру на полуостров в начале железного века, располагались по юго-восточному берегу и в долинах Гвадалквивира и Тахо» [1, с. 30].

Финикийцы в рамках своей политики создания опорных точек для организации торговых путей по всему Средиземноморью основали Гадир (Гадес, Кадис), как принято считать, в XII в. до н.э. Даже называется более точная дата – приблизительно 1100 г. до н.э., то есть раньше основания ими Карфагена (в 814 г. до н.э.), а также Секси (ныне – Альмуньекар) и Абдеру (Адра), располагавшихся восточнее Малаги, на средиземноморском побережье современной Андалусии. Ряд ученых считает, что Карфаген был создан чуть раньше – в 824/23 гг. или даже в 825 г. до н.э.

Финикийская торговля с землями Западного Средиземноморья достигла своего пика в VIII в. до н.э. К этому времени общение колонистов с автохтонным населением велось весьма интенсивно. История не сохранила каких-либо сообщений о войнах или крупных волнениях, происходивших в этот период, что свидетельствует о том, что между финикийцами и иберами сложились вполне цивилизованные отношения.

Греки появились на полуострове несколько позднее. Первые упоминания о греческих визитах датируются, по разным данным, IX – VIII вв. до н.э. В отличие от финикийцев, облюбовавших непосредственно примыкавшие к Гибралтарскому проливу южные и юго-восточные регионы полуострова, греки первоначально обосновались на прибрежных землях современной Каталонии. Они основали здесь ряд своих поселений, прежде всего Род (Росас), – в VIII в. до н.э. и Эмпорий (Ампуриас) – приблизительно в 600 г. до н.э. Постепенно греки закрепляются и на юге, хотя и не столь масштабно, как финикийцы.

Самым ранним и, вероятно, ярким проявлением иберийской культуры и государственности является загадочное, даже мифическое, государство Тартесс, территориально располагавшееся предположительно на юго-западе современной Испании, в треугольнике, образованном провинциями Уэльва, Севилья и Кадис. В Библии упоминается название Таршиш, которое обозначало удивительно богатый район, некое раннее подобие легендарного Эльдорадо, посещаемый финикийскими торговыми судами. Многие современные ученые соглашались с идентификацией Тартесса и Таршиша. Греки также знали о существовании Тартесса, полагая его первой цивилизацией Запада.

Считается, что Тартесс поддерживал контакты с финикийцами с начала VIII в. до н.э. На период мирного сосуществования Тартесса и финикийцев приходится расцвет Гадеса, который был лучшей гаванью «для сбора и экспорта металлических руд

■ История

Тартесса» [7, с. 61]. Вместе с тем считается, что отношения жителей Тартесса с финикийцами отнюдь не всегда были безоблачными, и определенную часть времени сожителства в качестве соседей они находились в состоянии конфронтации и даже воевали друг с другом.

Точное время возникновения Тартесса и происхождение его населения продолжают оставаться загадками. По одной из версий, Тартесс был основан до появления Гадира/Гадеса и соответственно сама эта культура является в своей основе иберийской. По другой версии, культура Тартесса имеет привнесенный характер и является плодом «окультуривания» туземного населения, осуществленного финикийцами. Из этой версии вытекает гипотеза о том, что финикийский Гадир/Гадес являлся, выражаясь современным языком, столицей древнего Тартесса. Однако согласно Псевдо-Скимну (Древнегреческий ученый-географ, жил в I в. до н.э.), ссылавшемуся на греческого историка Эфора, жившего на пару столетий раньше, Тартесс находился в двух днях пути от Столбов Геракла (около 400 километров) [3, с. 137]. Любой путешественник, посещавший эти места, хорошо знает, что современный Кадис находится существенно ближе к Гибралтару.

Существует целый ряд гипотез о происхождении населения Тартесса, начиная от банальных, что эти люди были прямыми потомками исконного населения полуострова, и до экзотических, связывающих жителей Тартесса с приходом на полуостров «народов моря», с миграцией индоевропейских племен, с выходцами с Ближнего Востока или из степей, расположенных севернее Кавказских гор. Мощь и процветание Тартесса в действительности основывались на добыче и экспорте металлов. Об этом свидетельствуют античные ученые-хронисты. Псевдо-Скимн описывает Тартесс как город «в кельтском регионе (Относит Тартесс к «кельтскому региону» – очевидная ошибка античного ученого, говорящая о том, насколько приблизительными являются сведения о далеком прошлом, в том числе исходящие от хронистов и ученых, произведения которых рассматриваются как безусловные источники научных знаний.), богатый аллювиальным оловом, золотом и медью», а Плиний Старший (Древнеримский писатель-эрудит, автор «Естественной истории». Жил в I в. н.э.) сообщает, что олово, которое по поверьям древних людей было товаром атлантического Запада, привозилось из Лузитании и Галиции [1, с. 39]. Современный исследователь Рихард Хенниг называет Тартесс «древним рынком олова».

Тартессийцы, по мнению ряда ученых, в частности А. Шультена (A. Schulten), были едва ли не первыми, кто использовал атлантический путь торговли оловом: они доставляли его с островов Эстримниды (Британских островов). Сама «территория влияния» Тартесса была весьма обширной, включая почти всю Эстремадуру, часть Ла-Манчи и все юго-восточное средиземноморское побережье. К 750 г. до н.э. через Тартесс проходил широкий

поток восточной торговли, а сам регион был сильно подвержен восточному влиянию.

О высоком уровне развития культуры и общественных отношений в Тартессе пишет Домингес Ортис: «Проявления культуры (Тартесса. – А.О.) включают столь важные элементы как урбанистика, транспортные коммуникации, письменность, создание предметов украшения, поэзия, социальная стратификация и высшие политические формы» [10, с. 21]. При этом «социальные контрасты были огромными: существовала знать, ремесленники, крестьяне, рабы. Обнаружение лир и других музыкальных инструментов заставляет предположить существование рабов-певцов и музыкантов, а также танцоров из Гадеса. ... Степень религиозности населения, судя по всему, также была высокой» [10, с. 22].

«Рафинированный мир» Тартесса вступил в кризис вместе со всем Средиземноморьем, прежде всего Западным, погрузившимся около 500 г. до н.э. в хаос. Выражаясь современным языком, в этот период началась борьба за передел господства и влияния в этой части античной Ойкумены. Тир переходит под власть персов, его заменяет Карфаген как ядро семитской экспансии, обладавший огромной военной и торговой мощью, нарастает борьба между греками и карфагенянами, ослабляется греческое присутствие на юге Испании и усиливается пуническое присутствие в местах традиционного размещения финикийцев, прежде всего в Гадесе и в близлежащих к нему районах. В конечном итоге карфагеняне захватили все финикийские колонии, в том числе и Гадес, взяв его штурмом и разрушив стены [2, с. 42].

Тартесс внезапно исчез из истории в VI в. до н.э. Точные причины этого не известны. Скорее всего, он был завоеван Карфагеном после поражения греков от карфагенян в морской битве при Алалии (535 г. до н.э.), после которой началась экспансия Карфагена в Западном Средиземноморье, и тем самым поплатился за союз с проигравшими. Как пишет российский исследователь А. Волков, «Тартесс ... [видимо, имеется в виду столица этого государства. – А.О.] был буквально стерт с лица земли в 530 – 520 гг. до н.э., так что археологи до сих пор не могут определить, где находился этот город» [2, с. 43]. Домингес Ортис излагает более спокойную версию, предполагая, что Тартесс в результате общего кризиса античной цивилизации уменьшился в географических размерах, превратившись в Турдетанию, территория которой включала нижнее течение реки Бетис (Гвадалквивир), где сохранилось однородное население, значимое культурное наследие и где имелись существенные природные и сельскохозяйственные ресурсы [10, с. 21].

Вместе с тем нужно признать, что точное место расположение Тартесса действительно до сих пор не найдено. Много позже, когда в Испанию придут римляне, они назовут Кадисскую бухту «Tartessus Sinus», но к этому времени королевство Тартесс давно прекратит свое существование. Новые завоеватели найдут население этих земель ме-

нее воинственным по сравнению с обитателями других испанских территорий, готовым купить у нового гегемона античного мира свою безопасность в обмен на независимость.

В результате экспансии на Иберийский полуостров карфагеняне в конце VI – начале V в. полностью перекрыли Гибралтарский пролив. По словам Пиндара (Древнегреческий поэт, жил в VI – V вв. до н.э.), никто не мог пройти дальше Гадеса. Геродот подтверждает это, ссылаясь на бдительную охрану карфагенянами Геркулесовых столбов (или Столпов Мелькарта – по пунической терминологии) [1, с. 42]. Больше всех пострадали от этого греки, пользовавшиеся Гибралтарским проливом для доставки олова. Однако в тот период карфагеняне еще были не в состоянии колонизовать внутренние районы Иберии, и их присутствие ограничивалось прибрежными землями, где они основывали свои фактории, обычно располагавшиеся в устьях рек, используя которые было проще организовать торговлю с местными племенами.

На иберийские народы, проживавшие на восточном средиземноморском побережье современной Испании – от Альмерии до юга Франции, – преобладающее влияние оказывала греческая культура, центром которой была эллинская колония в Массалии (Massalia), нынешнем Марселе, а ее «проводниками» в Каталонии – Росас и Эмпорий. Тем не менее это влияние, судя по всему, не было столь сильным, как влияние финикийской, позже карфагенской культур на народы испанского юга и юго-востока. Как показывают результаты археологических раскопок, у иберийских племен, проживавших на территории современной Каталонии, не было развитого местного искусства. По словам Аррибаса, «можно говорить лишь об определенном влиянии [греческих колонистов. – А.О.] на производство керамики, для изготовления которой ... индигеты [название одного из автохтонных народов. – А.О.] стали пользоваться гончарным кругом. ... В Каталонии местные гончарные мастерские не существовали до III – II вв. до н.э.» [1, с. 46].

Во внутренних территориях до сих пор не обнаружено ни одного греческого поселения, что могло бы свидетельствовать о территориальной экспансии Эмпория. Торговля местного населения, проживавшего в непосредственной близости от фактории, с колонистами была минимальной, о чем говорит очень низкий процент греческих товаров на их рынках. То же самое можно сказать и о прибрежных городах автохтонов, находившихся далеко от сферы влияния Эмпория в районе современной Барселоны. В свою очередь процветание самого Эмпория связано прежде всего с морской торговлей с Карфагеном, который поставлял грекам металл, и этим некоторые ученые объясняют нежелание города вести экспансию во внутренние районы и стремиться к расширению общения с местным населением.

На северо-западе полуострова в тот период находился «кельтский мир», являвший собой самую отсталую часть зарождавшейся «иберийской цивилизации». Оторванные от очагов средиземно-

морской культуры непроходимыми лесами, полноводными реками и бесконечными, выжженными летом и понурыми зимой степями Месеты, испанские кельты в течение веков варились в «собственном соку» автономного развития, не познав материальной утонченности, не создав своей письменности, не дойдя до уровня, когда станет ясно видна политическая и социальная стратификация общества. Они поддерживали лишь спорадические контакты с тартесско-турдетанским миром, да и то, по сути дела, с единственной целью – купить олово.

Соседями кельтов были баски – «народ, имеющий загадочное происхождение» [10, с. 21]. О басках к настоящему времени написано немало и в самой Испании, и за рубежом, в том числе в России. Однако, несмотря на обилие научного и публицистического материала по баскской теме, до сих пор так и не дан ответ на главный вопрос, который уже не одно десятилетие не дает спокойно спать пытливым ученым, погруженным в эту тему:

– Баски, кто они?

– Сколько тысячелетий они живут на севере Испании?

– Откуда они когда-то туда пришли?

– Каково происхождение их уникального языка – эускеры, «языка вне группы»?

Много интересной и полезной информации по этому вопросу читатель может почерпнуть в весьма содержательной монографии С.М. Хенкина и Е.С. Самсонкиной «Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы», опубликованной в издательстве МГИМО-Университета в 2011 г. [8]. Этой теме посвящено несколько страниц в моей книге «Проблема терроризма в Испании: ЭТА – “ударный отряд” баскского национализма», вышедшей в свет в издательстве «Русская панорама» в 2009 г. [6]. Не буду повторяться и только дополню уже опубликованные сочинения некоторыми мыслями.

Начну с весьма популярной теории о том, что баски произошли от иберов. Ее основоположником, если не брать в расчет античных авторов, является немецкий (пруссский) ученый-энциклопедист Александр фон Гумбольдт. Он выдвинул эту гипотезу почти два века назад – в 1821 г., когда, попав в Страну Басков в 1801 г., был весьма удивлен и озадачен тем обстоятельством, что когда возникала потребность назвать одним словом баскский народ, то не оказалось термина, который бы одновременно подходил испанцам, французам и немцам. Французы использовали для этого слово «бискайцы», когда говорили о басках с полуострова, и «баски», когда речь шла о французских басках, а в отдельных случаях применяли также старинное название «кантабры». Сами испанские баски называли себя в соответствии с провинциями, где проживали: бискайцы, гипускоанцы и алавцы.

Описанный выше исторический казус в какой-то мере является одним из отражений той реальности, что баски остаются народом-загадкой, а их происхождение является предметом огромного количества всевозможных гипотез – как вполне научных, так и почти что фантастических. В принципе теория о том, что баски – это одно из иберийских

■ История

племен или что они являются продуктом смешения ряда племен, живших в незапамятные времена на севере Иберийского полуострова или по ту – ныне французскую – сторону Пиренеев, остается одной из основных рабочих гипотез. Сошлемся на мнение профессора Сагарио Моран, которая пишет, что различные племена, в том числе и васконы, обитавшие на территориях, которые сегодня относятся к Наварре и Эускади, «представляли собой недифференцированную группу народов, которые обитали на Иберийском полуострове» [11, с. 25]. Не нравится эта теория тем ученым, которые не хотят признавать какой-либо связи басков с североафриканскими племенами, а по одной из теорий эти племена имеют самое непосредственное отношение к иберам, являясь одними из их предков.

Иберы, прежде всего та их часть, которая проживала во внутренних районах полуострова, по преобладающим в научных трудах описаниям, были в доримские времена многочисленными дикими племенами, находившимися на стадии распада родового строя. Жизнь этих племен напоминала жизнь гомеровских греков. Тем не менее существовал иберийский алфавит, а значит, хотя и находившаяся в начальной стадии развития письменность, которую, правда, до сих пор не смогли понять и соответственно перевести. В одном из трудов мы читаем: «Наиболее дикими считались племена, жившие в горных районах страны» [2, с. 45]. Но о ком последняя фраза? Вероятно, все же не об иберах, а о басках или, точнее, их предках васконах, поскольку там, где обитали племена иберов, практически нет высоких и неприступных гор.

Некоторые ученые ищут в происхождении басков «кавказский след» (грузинский и армянский), другие считают их потомками викингов, третьи – финикийцев, четвертые связывают их появление на полуострове с миграцией финно-угорских племен, пятые не забывают об этрусках. Особую известность получила в последние годы теория профессора Стефена Оппенгеймера (Университет Оксфорда), исследователя Давида Голдштейна и лингвиста Тео Веннемана об единичных докельтских корнях басков, ирландцев, уэльсцев и шотландцев. Согласно этой гипотезе, предки басков перебрались 16 тысяч лет назад на территории современных Британии и Ирландии по суше, поскольку уровень Мирового океана в тот период был заметно ниже, чем сейчас, и нынешние острова являлись частью материковой Европы. Главным «козырем» этой теории является установленное учеными близкое генетическое родство указанных выше народов («братья по крови»). В какой-то мере эта гипотеза созвучна «кельтской» теории происхождения басков, которая основывается на схожести многих доисторических монументов, разбросанных по территории проживания этих народов. Однако в новой теории первично баскское начало, а не кельтское.

Ну и, наконец, самая экзотическая теория, согласно которой предками басков были атланты. Примечательно, что сторонниками этой версии больше являются «атлантологи», чем «баскологи». Сошлемся на Ширли Эндрюз, автора широко

известной монографии «Атлантида: по следам исчезнувшей цивилизации», которая пишет: «Баски – народ, ... живущий в сравнительной изоляции в Пиренеях, горной области на юго-западе Европы (Страна Басков в составе Испании), – говорят на языке, в котором до сих пор сохранились вкрапления наречия атлантов. Представители этого необычного народа считают себя потомками атлантов, чья высокоразвитая цивилизация погрузилась в океан» [9, с. 82].

В этой связи, однако, следует подчеркнуть, что более признанными претендентами на роль потомков атлантов являются коренные жители Канарских островов гуанчи. Они обитали здесь в полной изоляции вплоть до начала завоевания архипелага испанцами в 1402 г. «Классик» отечественной, да, пожалуй, и мировой атлантологии Н.Ф. Жиров, основываясь на записях испанских хронистов, описывает их следующим образом: «У гуанчей-кроманьонцев было широкое лицо с треугольным подбородком, с большими и низкими глазными орбитами и резкими бровями. Среди них часто встречались голубоглазые блондины и даже рыжеватые особи. По общему мнению всех хронистов, гуанчи были очень красивым и весьма привлекательным народом. Наиболее красивы были женщины Гран-Канарии» [3, с. 276].

Среди гуанчей встречались настоящие гиганты ростом более двух метров. К сожалению, эти люди были полностью истреблены в борьбе с конкистадорами, и на островах не осталось в живых ни одного чистокровного аборигена. Согласитесь, что гуанчи больше напоминают классических атлантов в общепризнанном восприятии этого народа, которое устоялось в массовом сознании, чем баски. Хотя я с радостью признаю свою ошибку, если когда-то все же будет доказано, что Атлантида – это не красивый миф, а реальная працивилизация, а баски – потомки жителей той благодатной земли.

В контексте нашего исследования нельзя не упомянуть, что претендентом на роль Атлантиды является Тартесс, о котором речь шла выше. Знаменитый немецкий археолог Адольф Шульцен, прославившийся своими раскопками на Пиренейском полуострове, говорит: «Трудно понять, что Атлантиду искали везде, даже на Шпицбергене и в Америке, но только не в Тартессе. И это было очень нелогично, потому что тот, кто вообще приписывает мифу реальность, должен был бы искать Атлантиду не в неизвестных, а в известных местах» [3, с. 136].

Н.Ф. Жиров в свою очередь выдвигает гипотезу, что Тартесс не следует отождествлять с Атлантидой в целом, а лишь с царством второго сына Посейдона Эвмела. Это царство опустошилось под воду позже основной части великой державы древности и, по-видимому, существовало еще в VI в. до н.э. в виде небольшого островка Тартесса. Тем самым Жиров объясняет, почему Тартесс до сих пор не найден [3, с. 138]. Однако вновь подчеркнем, что связь отдельных частей и народов Испании, в том числе басков, с мифологической Атлантидой – это, безусловно, очень притягательная, но пока никем не доказанная и ничем не

подтвержденная экзотическая теория, имеющая более литературный, чем в полной мере научный характер.

Действительно, почему баскам, в отличие от их соседей по полуострову иберов, кельтов и других племен, удалось сохранить свою самобытность или «баскскую сингулярность», выражаясь языком некоторых ученых-баскологов? Мне уже приходилось отвечать на этот вопрос. Я в целом разделяю точку зрения, согласно которой основных причин тому две – труднодоступность баскских земель и их сравнительная удаленность от основных центров и даже островков античной цивилизации, а также высокая степень воинственности васконов, делавшая абсолютно несоизмеримыми возможные потери их противников на поле брани с выгодами от одержанных побед.

Современные ученые-баскологи, прежде всего с националистическим уклоном, предпочитают гипотезу о том, что баски – самый древний народ на пространстве современной Испании, проживающий на своих землях со времен неолита, а то и дольше того, и появившийся здесь задолго до прихода на полуостров индоевропейских племен. Как зачастую говорят баски о себе: «Мы – народ вне времени». Самые горячие научные головы доказывают, что баски живут на своих землях не менее 20 тысяч лет. Теория о генетическом родстве басков и потомков кельтов, проживающих на Британских островах, – объективно сильный аргумент в пользу этой теории. Сторонники уникальности басков также ссылаются на черепа особого, «баскского типа», обнаруженные в археологических пластах периода неолита, и убеждены в том, что эускера является исключительно баскским языком, созданным этим народом в процессе его многотысячелетнего развития и эволюции. Данная теория происхождения басков активно используется баскскими националистами/сепаратистами для того, чтобы доказать и продемонстрировать уникальную баскскую идентичность, несравненную особенность этого народа и его историческое отличие от других народов Испании, которые с ним соседствуют.

Древняя Иберия, находившаяся на крайнем западе античного мира, вдалеке, как казалось, от эпицентра страстей, периодически его захлестывавших, оказалась в III в. до н.э., своего рода разменной монетой в глобальной конфронтации Рима и Карфагена – двух сверхдержав Средиземноморья. Достигнув апогея своего величия к 280 г. до н.э., олигархическая республика Карфаген уже почти полтора века не вела захватнических войн, став самым миролюбивым государством своего времени. Карфаген поделил сферы влияния с Римом, с которым состоял в фактических союзнических отношениях перед лицом греческой экспансии, возглавлявшейся в тот период эфирским царем Пирром, врагом и Рима, и Карфагена. Однако идиллия скоро закончилась из-за соперничества за Сицилию. Недавние друзья стали непримиримыми врагами. Так началась Первая Пуническая война (264 – 241 гг. до н.э.), завершившаяся поражением Карфагена. Последствия этой войны предопределили дальнейшую судьбу богатейшего государства античного мира.

Как пишет А. Волков, «Карфаген в канун Пунических войн, очевидно, производил на многие соседние народы такое впечатление, как Константинополь в Средние века – на варваров, приезжавших из Западной Европы. Величайшая, неестественная роскошь встречала чужеземцев, смущала их, будила в них зависть и ненависть» [2, с. 19].

Однако после войны многое изменилось – могущество Карфагена было подорвано, он практически полностью потерял свой военный флот, согласился на передачу Риму Сицилии, овладеть которой стремился в течение трех веков, лишился торговой монополии в Западном Средиземноморье и был обязан по условиям мира выплачивать Риму в течение десяти лет солидную контрибуцию. Считается, что стремление превратить Иберию в источник финансирования восстановления Карфагена стало одним из оснований для пунической экспансии на полуостров. Однако, как свидетельствует последующий ход событий, не главным. Роль личности в истории – огромна. Такую роль в истории Карфагена сыграл отец Ганнибала Гамилькар Барка. Будучи великим полководцем, на которого погрязшая в роскоши и разврате карфагенская олигархия «повесила» всю ответственность за поражение страны в войне, Гамилькар, ненавидевший Рим и мечтавший о реванше, неожиданно переправил из Северной Африки свою армию в Испанию, в Гадес (с согласия официального Карфагена или без него – это достоверно не известно).

К этому времени картина расселения народов, обитавших на Пиренейском полуострове, согласно описанию Гарольда Лэмба, выглядела следующим образом: «Первую, самую малую группу населения Испании составляли тартессы и иберы, жившие на южном и восточном побережьях. Вторую группу представляли бывшие завоеватели кельты, которые осели здесь, усвоив многие обычаи иберов. ... Кельтиберы занимали в основном равнины Месеты в верховьях реки Тахо, где ныне находится город Толедо». И далее: «Последняя треть Испании, на севере, была захвачена кельтами. Часть из них переселилась через Пиренеи уже в V веке до н.э., и они все еще мигрировали, смешавшись с воинственными германскими народами. ... Разбросанный по всем трем частям Испании молчаливый народ басков, ее древнейшие обитатели, нашли убежище под защитой гор».[4, с. 52-53].

Прибыв на полуостров, Гамилькар незамедлительно приступил к захватническим действиям. Как сообщает Аппиан (Древнеримский историк греческого происхождения. Жил в I – II вв. н.э.), карфагенский полководец без всякого повода напал на племена, населявшие юг Пиренейского полуострова, «и стал грабить иберов, ничем не провинившихся перед ним» [2, с. 107]. Направив карфагенскую экспансию во внутренние области Иберии, чего прежде не было, Гамилькар довольно быстро завоевал большую часть полуострова к югу от рек Тахо и Эбро. По оценке Р.Ю. Виппера, «Испания стала как бы собственным княжеством

■ История

фамилии Барка» [2, с. 109], где власть передавалась по наследству, что было нехарактерно для Карфагена. После убийства Гамилькара иберами во время одного из его походов верховная власть в новом государстве, формально подчинившимся Карфагену, но фактически все более самостоятельным, перешла к Гасдрубалу, другу и зятю Гамилькара. Будучи более дипломатом, чем воином, он сумел наладить отношения со многими иберийскими племенами, фактически став для них верховным вождем. По информации Аппиана, он «продвинулся от западного моря в центр страны до реки Ибера (Эбро), которая делит Иберию почти пополам, от Пиренейских гор отстоит дней на пять пути и впадает в северный океан» [2, с. 111].

Гасдрубалом была основана и новая столица иберийских владений карфагенян – Новый Карфаген (современная Картагена). А. Волков описывает Новый Карфаген следующим образом: «Этот красивый город вырос как из-под земли. Внутренняя часть его находилась в низине; вокруг поднимались холмы. На холме, расположенном в восточной части города, высился храм. В западной части, на другом холме, вознесся дворец Гасдрубала. Кипарисы, росшие здесь, напоминали карфагенянам кипарисовую рощу в Бирсе. Для туземцев же новый город казался самым несравненным на свете. Восточная роскошь дворца Гасдрубала изумляла приезжавших в город иберов. Колонну из желтого нумидийского мрамора сменяли белоснежные сицилийские колонны. Черное эбеновое дерево чередовалось с ливанским кедром. Золото украшений ослепительно сверкало на фоне мебели, вырезанной из слоновой кости. По мысли Гасдрубала, Новый Карфаген должен был затмить своим блеском старую столицу державы. В мягком приморском климате пышно цвели сады; город утопал в розах» [2, с. 113].

Посещая Новый Карфаген, иберы вольно или невольно приобщались к высокоразвитой карфагенской культуре. Одновременно шло создание государства, о котором племена автохтонного населения не имели представления. Местные воины пополняли новокарфагенское войско, целью которого станет война с Римом. Однако осторожный Гасдрубал не спешил обострять отношения со злейшим врагом Карфагена, договорившись с римлянами о разделе сфер влияния в Иберии, границей которых становилась река Эбро. При этом он гарантировал свободу и неприкосновенность дружественного Риму Сагунта, находившегося в пределах «зоны влияния» карфагенян. Договор выполнялся при жизни Гасдрубала. После его убийства в собственном дворце власть перешла к старшему сыну Гамилькара Ганнибалу.

С детства мечтавший восстановить былое могущество Карфагена и люто ненавидевший Рим, Ганнибал быстро перешел к решительным действиям. Начало Второй Пунической войны (Вторая Пуническая война – 218 – 201 г. до н.э.) становилось делом времени. Летом 219 г. до н.э. армия Ганнибала, в которой уже преобладали выходцы с полуострова, попыталась штурмом взять Сагунт. Попытка оказалась неподготовленной и

обреченной на неудачу. Тогда Ганнибал взял Сагунт в кольцо и через восемь месяцев осады город пал. Жители Сагунта так и не дождались помощи от Рима, который в тот период был занят другими военными кампаниями.

История взятия Сагунта подробно описана Аппианом. Как он утверждал, многие жители города предпочли покончить с собой, нежели покориться врагам. Они бросались в огонь, прыгали с крыш домов, накидывали на себя петли или пронзали себя мечом. Все взрослое население города Ганнибал якобы приказал убить [2, с. 127]. Соответствует ли эта версия действительности или она сильно преувеличена, сказать сегодня сложно. Однако является фактом то, что в результате тотального уничтожения римскими легионерами Карфагена в конце Третьей и последней из Пунических войн (Третья Пуническая война – 149 – 146 г. до н.э.) в огне пожара погибла вся писаная карфагенянами история своего государства, и все, что мы сегодня знаем об этой стране, ее руководителях и героях, основано на трудах врагов Карфагена, прежде всего римлян. Вместе с тем известно, что после захвата Сагунта прибывшая в Карфаген римская делегация потребовала выдачи Риму Ганнибала. Получив отказ, Рим объявил войну Карфагену. Дальнейшая история хорошо известна нашему просвещенному читателю. Потерпев поражение и во Второй Пунической войне, Карфаген, значительную часть армии которого составляли выходцы из континентальной Испании и Балеарских островов, полностью и окончательно утратил свои позиции на Пиренейском полуострове. С этого момента начинается период римского господства на полуострове. Власть Рима полностью изменит облик Испании и населявших ее народов, став первым крупным водоразделом в истории этого государства.

В контексте заявленной темы нашего исследования напрашиваются несколько выводов:

1. Совершенно очевидно, что юг и юго-восток Испании заметно опережали в античный период остальные регионы полуострова по уровню своего развития. Там сформировались очаги культуры, развивалась экономика, основанная прежде всего на добыче и торговле металлами, произошла стратификация общества, возникли города и – самое главное – появилось первое государство на Пиренейском полуострове – Тартесс. Тартессийцы находились в определенных отношениях с передовыми народами своего времени – финикийцами, греками и карфагенянами, создавшими свои поселения на полуострове (правда, эти отношения колебались в широком диапазоне – от мирного сотрудничества и взаимовыгодной торговли до войн). О Тартессе знали в различных уголках Средиземноморья и он, безусловно, являлся неотъемлемой частью античной средиземноморской цивилизации. Тем не менее современные жители Андалусии в целом спокойно относятся к богатой истории своего края, не пытаясь использовать ее для того, чтобы связывать далекое прошлое и настоящее какой-то нитью, видимо, понимая, что эта нить, будучи очень тонкой и непрочной, в любой момент может порваться

ся. Регионалистские тенденции не проявляются здесь в острой форме и имеют, в лучшем/худшем случае, характер реагирования на соответствующие «инициативы» соседей по полуострову: чем мы хуже других? О проявлениях андалусийского сепаратизма вообще речи не идет;

2. Каталония – один из флагманов сепаратизма в современной Испании, ничем не прославилась в доримский период ее истории. Это были земли, заселенные иберийскими или близкими им племенами, жившими обособленно, только начавшими познавать зачатки культуры, практически не торговавшими с соседями и соответственно находившимися на стадии натурального хозяйства. С греческими колонистами, основавшими на побережье Каталонии свои поселения, каталонские иберы, видимо, поддерживали лишь спорадические контакты, не основанные на прочных торговых связях. Поэтому современные каталонские националисты, доказывая право Каталонии на самостоятельное от Испании существование, стремятся не углубляться в античную историю этого края, понимая, что здесь им вряд ли удастся получить какие-то псевдонаучные дивиденды.

3. Наконец, баски, для части интеллектуальной элиты которых рассуждения о «бездонной» истории этого народа, напротив, являются неким живительным источником, подпитывающим националистические и сепаратистские настроения в обществе. Однако постараемся подойти к этому вопросу максимально объективно, никого не обижая, в том числе и самих басков. Что баски могут предъявить научному миру как свидетельство своей уникальности? Язык – это раз. Действительно, язык басков несравним ни с каким другим и, безусловно, является достоянием современной науки. Но ведь язык (со множеством диалектов) их соседей иберов, также по-своему уникальный, просто не сохранился. У них тоже был свой алфавит, с использованием которого сделаны надписи на камнях, монетах, металлических изделиях, кстати сказать, трудно поддающиеся дешифровке и пониманию. Кроме того, можно предположить, что в течение

долгой истории человечества было немало и других уникальных языков. О них мы сегодня просто ничего не знаем, ибо их судьба сложилась не столь счастливо, как у баскского языка, о котором ведется столько споров.

Определенный набор элементов баскской культуры, традиций и обычаев, эпоса, уклада жизни – это два. Но где гарантия, что все это имеет тысячелетнюю историю, а не является продуктом более позднего периода жизнедеятельности баскского народа? А разве у других народов, населявших Пиренейский полуостров, всего этого не было? Конечно, было и просто не сохранилось или сохранилось в сильно усеченном виде в силу вполне объяснимых причин. Рафинированно чистых народов в мире практически не осталось, и за тысячелетия совместного существования, войн, завоеваний, миграций, ассимиляций и т.д. многие элементы древнего примитивного уклада жизни этих народов оказались безвозвратно утраченными. Счастье басков в том, что они в большей степени, чем другие народы, смогли сохранить свою изначальную идентичность. Но это, однако, не является свидетельством их абсолютной уникальности.

И последнее. Если баски претендуют на особую роль в истории, то где материальные доказательства их выдающегося вклада в мировую культуру в виде неповторимых строений, дворцов, произведений искусства, хоть как-то сопоставимых с выдающимися образчиками труда и творчества других народов древнего мира, создавших базис для дальнейшего прогресса нашей цивилизации? Я очень хорошо отношусь к баскам. Считаю, что у этого народа есть масса прекрасных качеств, одно перечисление которых потребует написания новой статьи. Однако игры в национализм/сепаратизм, в котором история используется определенными политическими силами в качестве разменной монеты, мне представляются совершенно неприемлемыми. История, даже самая сложная и противоречивая, должна быть мостом между народами, а не стеной, их разделяющей.

Список литературы

1. Аррибас А. Иберы. Великие оружейники железного века. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 190 с.
2. Волков В.А. «Белая» империя «черной» Африки. М.: Вече, 2004. 320 с.
3. Жиров Н.Ф. Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М.: Вече. 2004. 512 с.
4. Лэм Г. Ганнибал. Один против Рима. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. 443 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10. М.: 1958. 712 с.
6. Орлов А.А. Проблема терроризма в Испании: ЭТА – «ударный отряд» баскского национализма. М.: «Русская панорама», 2009. 192 с.
7. Харден Д. Финикийцы. Основатели Карфагена. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 263 с.
8. Хенкин С.М., Самсонкина Е.С. Баскский конфликт: истоки, характер, метаморфозы. М.: МГИМО (У) МИД России, 2011. 380 с.
9. Эндрюс Ш. Атлантида: по следам исчезнувшей цивилизации. М.: «КРОН-ПРЕСС», 2003. 318, [2] с.
10. Domínguez Ortiz, A. España, tres milenios de historia. Madrid, 2007. 453 p.
11. Morán S. PNV – ETA: historia de una relación imposible. Madrid, 2004. 362 p.

Об авторе

Орлов Александр Арсеньевич – к.и.н., профессор, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

FEATURES OF PRE-ROMAN HISTORY OF SPAIN AND MODERN TIME: WHERE ARE SOURCES OF SEPARATISM?

A.A. Orlov

Moscow State Institute of International Relations (University), 76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

Abstract: *Presently in collective consciousness there was a steady perception of Spain as the safe state entering into group of the countries, being a support of the European integration. The impression was made that Spain, despite difficulties of its historical development, at last found the national identity, having created from regions and national lands making it the new multicultural community fastened in a whole by a tolerant, educated and authoritative monarchy. However the world economic crisis which has begun in 2008 destroyed the Spanish idyll, having aggravated old and having generated new contradictions. Traditionally painful problem for Spain was existence of centrifugal tendencies at the heart of which two main reasons lay: manifestations of the nationalism peculiar to those areas where Catalan, Basque and Galician nationalities historically lived, and a regionalism caused by aspiration of local elite to bigger distance from Madrid. Considering features of pre-Roman history of Spain, the author seeks to understand, whether sources of modern separatism can originate in an extreme antiquity. Following the results of research the conclusion is drawn that most boldly "link of times" is traced on the example of Basques, the part of which intellectual elite seeks to use features of origin and historical development of these people for a reinforcement of current nationalist and separatist trends. The author considers that the history has to serve as the bridge between the people, instead of put up between them a new wall.*

Key words: Spain, Iberia, Iberians, Celts, Celtiberians, Phoenicians, Greeks, Indo-European tribes, Basques, Tartess, Gades, Carthago, Rome, Atlantis, nationalism, separatism, regionalism, Basque Country, Catalonia, Andalusia.

About the author

Aleksander A. Orlov – PhD in History, professor, director of Institute of the international researches MGIMO(U) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: vestnik@mgimo.ru

References

1. Arribas A. The Iberians. London, Thames & Hudson Publ., 1963. 274 p. (Russ. ed.: Arribas A. Ibery. Velikie oruzheyniki zheleznogo veka. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 190 p.).
 2. Volkov V.A. "Belaia" imperiia "chernoi" Afriki ["White" Empire of "Black" Africa]. Moscow, Veche Publ., 2004. 320 p.
 3. Zhirov N.F. Atlantida. Osnovnye problemy atlantologii. [Atlantis. The main problems of atlantology]. Moscow, Veche Publ., 2004. 512 p.
 4. Lamb H. Hannibal: One man against Rome. New York, Bantam Books Publ., 1958. 310 p. (Russ. ed.: Lamb G. Gannibal. Odin protiv Rima. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2002. 443 p.).
 5. Marx K., Engels F. Sochineniia [Works]. Moscow, Polit. Lit. Publ., 1958, vol. 10. 712 p.
 6. Orlov A.A. Problema terrorizma v Ispanii: ETA – "udarnyi otriad" baskkogo natsionalizma [The problem of terrorism in Spain: ETA – "strike force" of the Basque nationalism]. Moscow, "Russian panorama" Publ., 2009. 192 p.
 7. Harden D. The Phoenicians. London, Thames & Hudson Publ., 1962. 336 p. (Russ. ed.: Kharden D. Finikiitsy. Osnovatelyi Karfagena. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 263 p.).
 8. Henkin S.M., Samsonkina E.S. Baskskii konflikt: istoki, kharakter, metamorfozy [Basque conflict: Origins, nature, metamorphoses]. Moscow, MGIMO-Univ. Publ., 2011. 380 p.
 9. Andrews Sh. Atlantis: Insights from a lost civilization. St. Paul, MN, Llewellyn Publ., 2002. 288 p. (Russ. ed.: Endriuz Sh. Atlantida: po sledam ischeznuvshei tsivilizatsii. Moscow, "KRON-PRESS" Publ., 2003. 318 p.).
 10. Domínguez Ortiz A. España, tres milenios de historia. [Spain, three millennia of history]. Madrid, Marcial Pons Publ., 2007. 453 p.
 11. Morán S. PNV – ETA: historia de una relación imposible. [PNV – ETA: History of impossible relations]. Madrid, Tecnos Publ., 2004. 362 p.
-